

Глава V

УТРО ПОМЕЩИКА

Горбачев и политическая борьба 1978 – 1982 гг.

Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А.Галич

1. Выдвижение М.Горбачева на политическую арену СССР

История не фатальна, она полна альтернатив. Как бы ни были глубоки причины того или иного события, его все же делают живые люди, выбирающие форму, в которую заливается исторический материал. Конечно, в ряду инициаторов перестройки — ученые СССР и США, польские стачечники и афганские моджахеды, диссиденты и советники, а также миллионы людей, жаждавших перемен. Но этот ряд остался бы неполным без имени одного человека, который дал сигнал, провозгласил Перестройку и навсегда связал с ней свое имя.

ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич

Родился в 1931 г. в семье тракториста, сына председателя колхоза в ставропольском селе Привольное. Если один его дед был раскулачен, то другой стал активистом колхозного движения. Несмотря на арест в 1937 г., он не был осужден и восстановился в правах. Заметный отпечаток на личность будущего главы государства наложилась война¹.

Характер человека формируется всю жизнь, но его основы закладываются с детства. Первые впечатления, первые «вызовы» и реакции на них — самые важные. Человек учится жизни на совесть, и переучиваться потом очень трудно. Так же, как культура народа формируется под действием природы места, где этот народ возник, так и характер человека в основе своей — слепок детства. К сожалению, биографы великих людей не всегда располагают достаточным материалом о детских годах. Кто мог разглядеть в ставропольском пацане будущего наследника трона Сталина и разрушителя

дела Ленина. Никому не приходило в голову день за днем фиксировать самые важные, первые шаги будущего Генсека. Воспоминания человека о своем детстве не очень объективны, но и из них можно что-то «выудить». Да и сама социальная среда детских лет будущего реформатора известна. Простота сельской жизни, неторопливые сельские разговоры, «гыкающий» говорок, который потом будет так раздражать привыкшую к московскому диалекту интеллигенцию. Горбачев навсегда останется крестьянином. Но крестьянином с «кулацким» психологическим наследством, с жадой выбиться в люди из нищеты и забитости, не смирившимся с бедностью. Если нельзя заработать, то можно выслужиться. Эту истину Горбачев усвоил с раннего детства. Это — урок двух дедов. Из этого же корня — подсознательное недоверие к Системе и желание проникнуть в нее, страх перед властью и желание ее одолеть, перехитрить, переиграть. Сельская общительность и индивидуальный элитаризм. Такой характер затем будет гармонировать с такими фазами психологического развития, как конфронтация, патернализм и интеграция («человек идейный», «человек юный» и соответствующие стадии этих периодов).

Период 1937—1944 гг. в жизни Горбачевых — это время неуверенности в завтрашнем дне. Эти годы формировали подвижный, и в то же время осторожный характер маленького Михаила. Это можно сказать о миллионах его сверстников. Но и было нечто «нетипичное» — интерес к чтению, в том числе и философскому². Возможно, вспоминая о детстве, Горбачев преувеличивает свою тягу к знаниям. Но общегуманитарные и политические интересы подрастающего Миши несомненны, это подтвердит будущее.

Как и большинство юных созданий этого возраста и эпохи, Миша был «человеком юным», с естественным распылением интересов, когда все впервые и все интересно. У каждой судьбы — своя неординарность. Свое «странное чтение», свои увлечения. Но иногда эпохи и судьбы поразительно пересекаются.

Миша занимался в актерском кружке³. Это искусство потом очень пригодилось ему на политических подмостках. Интересная параллель: за полвека до того еще один крестьянский паренек осваивал начала актерского мастерства — будущий батько Махно. Оба совершили головокружительную карьеру. Махно побыстрее, Горбачев повыше. Одинаковый старт, но разные эпохи и характеры. Махно удалась роль перед крестьянской аудиторией, Горбачеву — перед чиновничьей. Во времена Махно историю писал восставший народ, во времена Горбачева — уцелевшие и постаревшие остатки той части «масс», которые прорвались во власть на волне Великих потрясений. Махно блестяще сыграл свою первую партию, но не согласился подчиняться скучному сценарию большевиков. Горбачев был более покладистым актером, но в конечном счете сочинил собственную пьесу. Ее не оценило новое поколение зрителей. Обоих критика облила потоками грязи. Но оба сумели остаться в живых — для XX века это уже признак политического мастерства.

Горбачевы принадлежали к относительно привилегированной группе сельского населения (в отличие от простых колхозников им была гаранти-

рована зарплата, статус деда давал некоторые связи среди мелкого начальства), но детство было трудным. Будущий генеральный секретарь с детства был приучен к труду. В тяжелые послевоенные годы Михаил работал с отцом в МТС во время каникул. *«Сказать, что работа на комбайне была трудной, — значит не сказать ничего, — вспоминает Горбачев. — Это был тяжкий труд: по 20 часов в сутки до полного изнеможения. На сон лишь 3—4 часа. Ну а если погода сухая и хлеб молотится, то тут уж лови момент — работали без перерыва, на ходу подменяя друг друга у штурвала. Воды попить было некогда. Жарица — настоящий ад, пыль, несмолкаемый грохот железа... Со стороны посмотришь на нас — одни глаза да зубы. Все остальное — сплошная корка запекшейся пыли, смешанной с мазутом. Были случаи, когда после 15—20 часов работы я не выдерживал и просто засыпал у штурвала. Первые годы частенько носом шла кровь — реакция организма подростка. В 15—16 лет обычно набирают вес и силу. Силу я набирал, но за время уборки каждый раз терял не менее пяти килограммов веса»⁴.*

Вместе работали, вместе и отдыхали. Здесь Горбачев проходил свои первые «университеты». Он вспоминает об этом времени: «Тут бригадир стал приставать ко мне: “Ты что ж так сидишь? Уборка закончена. Пей давай! Пора уж настоящим мужиком быть”. Смотрю на отца — он молчит, посмеивается. Поднесли мне кружку... Думал — водка, оказалось — спирт. А для его питья существовала особая “технология”: надо было на выдохе выпить, а потом сразу же, не переводя дыхания, запить холодной водой. А я так. Что со мной было! Механизаторы покатываются со смеха, и больше всех смеялся отец. Урок действительно пошел на пользу — никакого удовольствия от водки или спирта я потом не получал»⁵. Эта шутка бригадира много лет спустя аукнется антиалкогольной кампанией.

В 1948 г. отец Михаила был выбран для рекорда, который мог символизировать важность продолжения трудовых традиций отцов их детьми (в это время молодежь стремилась вырваться из села в город). В акции участвовали С.Горбачев, М.Горбачев, Я.Яковенко и его сын А.Яковенко⁶. Организация рекордов была одной из важнейших опор агитационной работы партийных органов. Обычно рекордсмены отбирались заранее, их вне очереди обслуживали смежники, им без задержек поставляли горючее, заранее ремонтировалась техника. В результате результаты получались гораздо выше средних, и рекорд становился аргументом для повышения производительности труда простых тружеников. Конечно, во время рекорда и самим его участникам приходилось попотеть. Но зато затем следовали награды, открывалась возможность начать карьеру, вырваться из крепостного состояния, в котором находилось крестьянство. За ударный труд М.Горбачев был награжден орденом Трудового красного знамени и в 1950 г. отправился учиться на юридический факультет Московского Университета. Этот рывок от комбайна к столичной университетской парте знаменует довольно ранний для крестьянского юноши того времени переход в состояние «человека иерархического». Отныне в течении многих лет в центре его жизни будет стоять карьера. Впрочем, «эпохи», из которых состоит жизнь человека, в

свою очередь проходят через определенные периоды, которые мы проследим на примере жизни Михаила Сергеевича.

Всякий жизненный уклад должен сформироваться. Период формирования в жизни «Горбачева иерархического» затянулся на первые годы учебы. Для него, человека без городского «бэкграунда» это было благополучное время, обусловленное неблагополучием интеллектуалов во второй половине 40-х гг. Горбачев вспоминает: «Приходит уведомление: “зачислен с предоставлением общежития”, то есть принят по высшему разряду, даже без собеседования. Видимо, повлияло все: и “рабоче-крестьянское происхождение”, и трудовой стаж, и то, что я уже был кандидатом в члены партии, и, конечно, высокая правительственная награда»⁷. Награда выделяла Горбачева из среды однокашников — и много лет спустя сокурсники помнили его как студента с орденом⁸. В Университете Горбачев преуспел на ниве комсомольской карьеры, войдя даже в университетский комитет ВЛКСМ. Когда Горбачев был комсомольским секретарем факультета по идеологии, его «вышестоящим начальником» со стороны университетского комсомола был А. Лукьянов.

ЛУКЬЯНОВ Анатолий Иванович

1930 г. рождения. С 1945 года работал рабочим на смоленском заводе «Арсенал». В 1948 году поступил на юридический факультет Московского государственного университета (МГУ) и в 1953 году закончил его. В 1953 — 1956 годах учился в аспирантуре на юридическом факультете МГУ. Докторскую диссертацию защитил в 1979 году по теме «Государственное право».

В годы учебы в аспирантуре был председателем учебно-воспитательного сектора комитета комсомола на юрфаке МГУ.

По окончании аспирантуры с 1956 по 1961 год работал старшим консультантом юридической комиссии при Совете Министров СССР. Участвовал в процессе реабилитации жертв сталинских репрессий. В 1957 году был направлен юрисконсультантом в Венгрию, а затем в Польшу. С 1961 по 1976 год — старший референт, заместитель заведующего отделом по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета (ВС) СССР (в 1968 году был направлен на работу в Чехословакию). В 1976—1977 годах — консультант Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Советник Генерального секретаря. Активно участвовал в разработке Конституции СССР 1977 г.

Лукьянов второй половины 40-х — начала 80-х гг. тоже вполне укладывается в облик иерархического человека. Но не все здесь однозначно — иерархический человек тоже не стоит на месте. Потрясение, связанное с XX съездом партии и делами о реабилитации, поездки за границу закладывали в коммуниста Лукьянова зерна шестидесятничества. Может быть отсюда — и нетипичная для чиновника высокого ранга склонность к поэзии. Во второй половине 70-х гг. он пытается примирить реальность и социальные идеалы правовыми конструкциями.

Автору этих строк довелось познакомиться с Лукьяновым в 1990 г. на встрече всемогущего вельможи с представителями нескольких оппозиционных групп. Смысл встречи для Лукьянова был нам непонятен — приглашенные пред-

ставляли слишком маленькие и в большинстве своем ершистые организации, которые сходу принялись критиковать политику Горбачева, Рыжкова и самого Лукьянова. Тем не менее он вел себя как радушный хозяин, вставлял доброжелательные реплики. Анархистам Лукьянов говорил о большом интересе к идеям Бакунина о самоуправлении, зеленым поведал о пристальном внимании к экологическим проблемам, мемориальцу рассказал о своем участии в процессе реабилитации, а монархисту — о роли короля в стабилизации положения в Испании. Вероятно в происходящем был какой-то политический смысл — председатель Верховного Совета давал понять неформалам, что власть не так страшна, как ее рисуют. Но для этого можно было бы и выступить по телевидению, не тратя два часа на выслушивание упреков от «людей с улицы». Не исключено, что руководители КПСС искали хотя бы номинальных союзников. Но с этой целью можно было пригласить только «лояльные» организации, с которыми велись отдельные консультации. Вероятно, общение с «непослушными» гражданами было интересно будущему оппозиционеру. Дефицит конструктивных идей, которым хронически страдала партия, можно было восполнить только путем диалога с оппонентами, и Лукьянов понимал это еще до крушения своей первой карьеры, а возможно — и до Перестройки.

В 1977—1983 годах Лукьянов — начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Эта должность подразумевала постоянное прямое общение с руководителями страны. Прежде ее занимал будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко. В 1983—1985 годах, стал первым заместителем заведующего, в 1985—1987 годах — заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1981—1986 годах — член Центральной Ревизионной Комиссии (ЦРК) КПСС. В 1984—1986 годах — член Бюро ЦРК КПСС. С 1985 года — член ЦК КПСС.

В дальнейшем Лукьянов — секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР. Был арестован по обвинению в участии в попытке государственного переворота в 1991 г. После освобождения — член Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) КП РФ, депутат Государственной Думы.

Является автором сборников стихов «Созвучие» (1990 г.) и «Стихи из тюрьмы» (1991 г.), «Песня протеста» (1992 г.) (поэтические псевдонимы — Осенев, Днепров).

В 1980 году был награжден Орденом Октябрьской революции, кроме того имеет Орден Трудового Красного Знамени, медали⁹.

В Университете Горбачев застал расцвет юридического мракобесия, связанный с именем одного из организаторов процессов 30-х гг. А.Вышинского. Не удивительно, что юридические знания студента по окончании учебы в 1955 г. были невелики. «На юридических факультетах советских вузов... — вспоминает однокашник Горбачева З.Млынарж, — не учили мыслить в категориях права. Они готовили “специалистов по юриспруденции”, которым надлежало знать, что предписывается властью в том или ином случае, что делать разрешено, а что запрещено... Они, ины-

*ми словами, были квалифицированными бюрократами»*¹⁰. Для дальнейшей карьеры Горбачева это было очень важно.

Застал Горбачев и кампанию «борьбы с космополитизмом». Его однокашник В.Либерман вспоминал позднее, что гонения из-за его национальности удалось прекратить благодаря вмешательству Горбачева¹¹. Романтика юности. Если можно заступиться за друга, почему не заступиться. В рамках разумного.

Менялась эпоха в жизни страны, менялся и период в развитии Горбачева — пришла «вторая юность», фрактальное повторение ранней юности, возвращение романтики и многообразия, распыление интересов, казалось бы недопустимое для «серьезного» человека, препятствующее карьере. Но неизбежное, как неизбежен был период детства. Смещение «несанкционированных» интересов, неосторожных мыслей, любви и житейской неустойчивости.

Горбачев утверждал, что «в последние два года учебы атмосфера в университете начала меняться. Вначале с опаской, постепенно все более свободно высказывались сомнения в правильности “устоявшейся” трактовки тех или иных исторических событий, да и некоторых явлений современной политической жизни»¹². Сам Горбачев тоже позволял себе идеологические вольности. Именно от него будущий идеолог «Пражской весны» З.Млынарж узнал о вопиющей разнице между колхозной реальностью, с одной стороны, и советскими законами, а также идеалистическими картинками, нарисованными в художественных фильмах — с другой¹³. Доверие западных историков к воспоминаниям З.Млынаржа 1985 года оспаривает М.Геллер¹⁴. Проанализировав свидетельство З.Млынаржа, М.Геллер обнаружил в них противоречия с более ранними воспоминаниями этого автора и хронологические сдвиги. Однако эти наблюдения не позволяют полностью отказаться от использования воспоминаний З.Млынаржа 1985 г. Во-первых, в более ранних мемуарах он не мог упоминать Горбачева из опасения повредить ему. Во-вторых, молодые советские ортодоксы 50-х гг. (к которым относился М.Горбачев) были циничней молодых сталинистов из Восточной Европы (к которым относился З.Млынарж), и некоторые относительно «невинные» замечания Горбачева могли шокировать наивного Млынаржа. Изменив контекст, много лет спустя Млынарж выдал цинизм молодого Горбачева за его свободомыслие.

В Университете Горбачев вступил в партию (в 1952 г.). В 1953 году он женился на Раисе Максимовне Титаренко, учившейся на философском факультете университета на курс старше. «В этом есть определенная закономерность, в школьные годы Горбачев был влюблен в девушку тоже старше его. Раиса Титаренко, как свидетельствовали одноклассники, являла собой вполне образованную девушку, с серьезными амбициями. Когда они были вместе, ее лидерство было очевидно», — комментирует земляк Горбачева В.Казначеев¹⁵. Раиса Максимовна будет всю жизнь оказывать большое воздействие на его политическую деятельность. Ее помощь и советы Горбачев очень ценил, даже тогда, когда они шли во вред его политике.

В 1955 г. плавное восхождение Горбачева по ступенькам иерархии нарушилось. Несмотря на успехи в учебе, Горбачеву не удалось задержаться в органах столичной юриспруденции. Он видит причины этой карьерной неудачи в своем возрасте: «Объяснялось это тем, что среди многих причин разгула массовых репрессий в 30-е годы была якобы и такая: слишком много “зеленой” молодежи, не имевшей ни профессионального, ни жизненного опыта, вершило тогда судьбы людей. И именно я, выросший в семье, подвергавшейся репрессиям, стал, как это ни парадоксально звучит, невольной жертвой “борьбы за восстановление социалистической законности”»¹⁶. Возможно, сыграли роль и неосторожные высказывания, легкое фрондерство Горбачева, связанное с «юным» периодом в его «иерархической» жизни. Это был урок — пора остепениться. Колесо фрактального развития неминуемо приближало Горбачева к состоянию «иерархического человека в квадрате», когда совпадают стадии развития разной интенсивности. Но и в этом положении «добропорядочного из добропорядочных» Горбачев выбирает дело по вкусу — комсомол. Здесь добропорядочность и карьера предполагают игру, новации, общение и в то же время наставничество, положение старшего. Вернувшись в Ставрополье, Горбачев предпочел работе в прокуратуре комсомольскую карьеру. Это был его собственный выбор¹⁷, но его должен был утвердить руководитель краевого комсомола В.Мироненко. В пересказе В.Казначеева их знакомство выглядит так: «В комнату бочком протиснулся среднего роста паренек, приятной наружности, улыбчивый. Поздоровались. Он представился: «Горбачев Михаил». Сел напротив в кресло, потирая ладони о штаны, волновался очень. Сказал, что он местный, со Ставрополя»¹⁸.

Уже в 1956 г. Горбачев занимает пост первого секретаря Ставропольского горкома ВЛКСМ, затем следует карьера в обкоме ВЛКСМ, увенчавшаяся постом первого секретаря обкома комсомола. Даже по словам его недоброжелателя В.Казначеева Горбачев работал эффективно, сразу же начал инициировать перемены: «Горбачев прослыл усердным, знающим работником... Уже давно разрабатывалась идея создания ученических производственных бригад в средних школах Ставрополя, позднее этот опыт был перенесен на весь край, на всю страну. Как только Горбачев пришел в горком, он сразу же выступил с этой инициативой»¹⁹. Конечно, активный комсомольский лидер чутко отзывался на указания сверху: «После пожелания Хрущева, чтобы каждая девушка, каждый юноша был комсомольцем, Горбачев организовал почти коллективные вступления в комсомол, что, разумеется, весьма и весьма подняло показатели по “вступаемости”»²⁰.

Уже в этот период в Горбачеве прорастает реформатор — крестьянская осторожность и сметка не только в чутком улавливании требований начальства, но и в стремление выполнить приказ по-своему. Это позволяет выделяться, выдвинуться. Сделать еще один шаг к освобождению от докучливых местных начальников, получить в «хозяйство» все большее поле власти.

По справедливому замечанию А.Брауна, «во времена Хрущева комсомол был не только введением в бюрократическую политику, но также для

тех, кто, как Горбачев, был вовлечен в официальную идеологическую и пропагандистскую работу, возможностью для публичных выступлений и изучения искусства убеждения»²¹. Горбачев взялся за дело «засучив рукава». Оставаясь человеком вполне иерархического склада, в миниатюре он уже переживал, репетировал роль «человека идейного». Наступал новый период в его развитии, приходил новый опыт.

Это было время «оттепели», когда инициативы, не выходявшие за рамки «генеральной линии», приветствовались. Был организован дискуссионный клуб. Горбачев вспоминает о нем: *«Затрагивались разные аспекты проблемы. И вот какой-то молодой парень, ужасно волнуясь, стал говорить о культуре при социализме. О том, что культура — это прежде всего сам человек со всей его многовековой историей, а мы сводим ее лишь к одной форме — к идеологии. И то, что нам вбивают в головы, искажает само понятие культуры»*.

Руденко и я бросились в атаку — «защитить социализм». Говорили, что именно социализм унаследовал и воспринял все богатство духовного наследия человечества, только он открыл дорогу к культуре миллионам. Приводили множество других аргументов, в которых действительно были убеждены, наш «идейный противник» был не очень опытен в публичных дискуссиях, и победа осталась за нами.

Но в тот момент я больше всего думал о том, что могут прикрыть дискуссионный клуб, которым все мы так дорожили»²². И в этом чувстве, знакомом организаторам легальных дискуссий вплоть до второй половины 80-х гг., можно рассмотреть отражение последующего умения Горбачева балансировать между либерализмом и консерватизмом, атакуя прогрессистов, чтобы таким парадоксальным образом защитить их от консерваторов.

*«И вслед за клубом мы создали Оперативный комсомольский отряд — ОКО, — вспоминает Горбачев о своей новой инициативе, которая вскоре провалилась. — ...Во-первых, под видом нашего оперативного отряда в городе стали действовать хулиганы и грабители. Во-вторых, участились случаи, когда и наши ребята, почувствовав вкус к “силовым методам”, шли на задержание и мордобой, явно нарушая элементарную законность»*²³. Отрицательный опыт — тоже опыт. Горбачев учился предвидеть последствия «новых начинаний».

У Горбачева сложились хорошие отношения с первым секретарем горкома ВЛКСМ В.Мироненко, который в это время успешно делал комсомольскую карьеру²⁴. При Горбачеве он будет «командовать молодежью». Карьера Горбачева тоже развивалась успешно. В 1961 г. он стал первым секретарем крайкома ВЛКСМ.

На этом посту жизнь столкнула молодого бюрократа с его будущим «ангелом-хранителем» — первым секретарем крайкома партии Ф.Кулаковым. *«Кулаков предложил создать комиссию по проверке моей работы, а на состоявшемся 7 августа собрании краевого партийного актива он “выдал мне” сполна. Говорил о “безответственности в работе с Обращением ЦК”, высказывался несправедливо, резко, грубо»*²⁵. Горбачев промолчал в ответ. «После этого эпизода некоторые коллеги стали поглядывать на меня

как на конченого человека. Каково же было мое изумление, когда работники аппарата крайкома со ссылкой на Кулакова попросили написать справку об опыте моей работы.

— В ЦК КПСС обобщают наиболее интересные материалы о партийных организациях колхозно-совхозных объединений, — было заявлено мне, — и Федор Давыдович полагает, что твои соображения придутся кстати»²⁶.

Первый секретарь крайкома ценил инициативных, и что немаловажно — покладистых чиновников. Горбачеву предложили сменить комсомольскую карьеру на партийную. Комсомольские игры остаются позади, иерархические стереотипы снова выходят на первый план, но опыт не забывается. Горбачев репетирует роль прагматика — делового, вдумчивого, эффективного, в меру услужливого.

В 1962 г. следует новое назначение — Горбачев становится парторгом колхозно-совхозного управления края. Судьба снова связала его с сельским хозяйством. Уже в декабре Горбачев был назначен завотделом партийных органов Крайкома КПСС. В его руках оказалась кадровая работа Кулакова. Сам Горбачев вспоминает об этой своей карьерной удаче: *«Но главное — в компетенции отдела находились кадры, та самая номенклатура, в которую входили все сколько-нибудь значимые должности, начиная с постов сугубо партийных и кончая директорами предприятий и совхозов, председателями колхозов»*²⁷.

Кулаков после антихрущевского переворота был переведен в Москву, чтобы продолжить свой марш к вершинам власти. О Горбачеве он не забывал, постепенно продвигая своего человека по ступенькам карьерной лестницы. Горбачев вспоминает, что «мы расстались друзьями и сохраняли близкие отношения все последующие годы»²⁸. Патрона удовлетворяли качества его молодого протеже. «У Кулакова отношение к секретарям строилось на основе двух критериев — способности “сделать план” и личной преданности», — вспоминает Горбачев²⁹. Сам он соответствовал этим критериям. В августе 1968 г. Горбачев стал вторым секретарем обкома, а в апреле 1970 г. возглавил Ставропольский край. Назначение Горбачева было связано как с поддержкой Кулакова, так и с тем, что второго секретаря крайкома заметил Брежнев. Генеральному секретарю понравились инициативы Горбачева по орошению Ставрополя. *«Хочу заметить, что Брежнев конца — 60 — начала 70-х годов ничуть не был похож на карикатуры, которые рисуют на него ныне... Посмотрел все расчеты и схемы, задал много вопросов и попросил оставить материалы, в том числе таблицу о засухах за последние 100 лет. Вскоре состоялось заседание Политбюро, на которое меня даже не стали приглашать, ибо сам Брежнев сделал информацию о планах строительства канала, заметив при этом, как мне передали, что “надо поддерживать новых, молодых руководителей, которые ставят вопрос крупно, по-государственному”»*³⁰, — вспоминает Горбачев об этой встрече, которая предопределила не только его новый карьерный прорыв, но и увлечение мелиоративными проектами вплоть до поддержки идеи «поворота рек».

Казалось, Горбачев добился вершины своей карьеры, крестьянской мечты. Он — первое лицо. Над ним — далекое начальство. Сам себе хозяин — не торопясь делай дело и наслаждайся свободой. Страшный соблазн для политика. Горбачев будет наслаждаться брежневской интеграцией восемь лет. Но вскоре он почувствует — плох тот генерал, который не хочет стать маршалом. Возможно, если бы это ощущение пришло раньше, Горбачев разделил бы судьбу «молодых реформаторов» 60-х гг. А пока он мог накапливать хозяйственный опыт и вникать в детали кремлевской политической борьбы.

Выбор первого секретаря крайкома, сделанный в Москве, был удачен. Даже по признанию заведомо пропаганды и агитации крайкома А.Коробейникова, который ныне относился к Горбачеву крайне враждебно, «его запойная» работа (а работал он самоотверженно) все-таки давала результаты. Особенно удачными, в смысле реальных дел, были годы его работы на Ставрополье... В передовых колхозах и совхозах края освоены крупный севооборот, хозрасчет, цеховая структура управления, бригадный подряд; появился хозяин производства; у ставропольцев присутствует уверенность; в сельской местности повысилась рождаемость, крепнет оседлость, растут престиж труда и культуры быта³¹. В то же время в стиле Горбачева чувствуется стремление «ухватиться» за самые разные сферы и темы, унаследованные от комсомольского периода карьеры всплески и охлаждения энтузиазма в отношении различных методов и направлений работы. И позднее на это непостоянство часто указывают в своих воспоминаниях сотрудники Горбачева³². Комсомольские навыки сказывались в дальнейшем очень заметно — и через десятилетия в нем чувствуется тон воспитателя, который работает «с учетом свойственной юношам и девушкам революционной романтики»³³, берется за разные «дела», постоянно реорганизует структуру управления³⁴. Но именно в этой разносторонности, инициативности, готовности к переменам был важнейший политический ресурс Горбачева.

В центр своей работы Горбачев уже тогда ставил идейно-политическое, а не конкретно-хозяйственное руководство, что вызывало недоумение бюрократов старой школы: «Находились у него и единомышленники в ЦК, считавшие, что партия не должна заниматься решением хозяйственных проблем и подменять тем самым советские и хозяйственные органы, ее дело — политическая работа в массах, обеспечение политического руководства... Каплей, переполнившей чашу терпения работников крайкома, ставленников Горбачева, было постановление о канализации. Раздался звонок от Инжигевского, тогдашнего заворга крайкома:

— Может, займешься и общественными туалетами?!

— Спасибо за подсказку, непременно займусь. — Я сделал вид, что не понял издевки. — Город в антисанитарном состоянии, так что непременно займусь...

— Это горком или горкомхоз? — бушевал горбачевский посланец³⁵. Консервативные чиновники пока еще могли отстаивать право партийных органов руководить ремонтом туалетов. Но их маленькие победы над Гор-

бачевым были пирровыми, потому что лишь укрепляли будущего Генсека в его «заблуждениях».

На формирование Горбачева-политика заметное влияние оказали события 1968—1969 гг. в Чехословакии. «В начале лета 1967 года я встретился со Зденеком Млынаржем, давним моим другом и сокурсником по МГУ, о котором уже упоминал»³⁶. Через год Млынарж окажется одним из вождей «чехословацкой котрреволюции». Это лишний раз продемонстрировало Горбачеву опасность «ревизионистских» разговоров, и в то же время обусловило более поздний интерес к чехословацким реформаторам. И надо же было такому случиться — вскоре после вторжения советских войск в Чехословакию Горбачев был отправлен туда с делегацией: «Сказать, что мы себя чувствовали неуютно, скверно, — почти ничего не сказать. Мы ощутили всем нутром, что эта акция осуждена и отвергнута с негодованием народом... В канун Дня студентов мы оказались в Брно, там решились организовать нам посещение крупного завода. Когда пришли в цех, с нами никто не захотел разговаривать, рабочие на приветствия не отвечали, демонстративно отворачивались — ощущение неприятное»³⁷.

Вскоре Горбачеву пришлось подавлять «ревизионизм» ставропольского значения: *«В начале 1969 года исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии Ставропольского сельхозинститута Ф.Б.Садыков выпустил в краевом издательстве книгу “Единство народа и противоречия социализма”... По существу, Садыков сформулировал ряд идей, которые стали находить свое решение лишь с началом перестройки. Но до перестройки надо было еще прожить более пятнадцати лет... Из Москвы поступил сигнал — “проработать”. И вот 13 мая состоялось бюро крайкома, рассматривавшее вопрос “О серьезных ошибках в книге доцента кафедры философии Ставропольского сельскохозяйственного института Садыкова Ф.Б.” Разделили мы его на бюро, что называется, под орех. Да, это был “долбеж”. Главный наш “идеолог” Лихота требовал исключения из партии. Ефремов не поддержал. Остро критичным было мое выступление. Садыкову объявили строгий выговор, освободили от заведования кафедрой»*³⁸, — вспоминает Горбачев. И снова он вынужден был «громить» идеи, к которым испытывал интерес. «На самый верх, как правило, поднимались руководители, я бы сказал, более толстокожие, особенно не переживавшие за моральные аспекты своих действий, те, у кого совесть запрятана глубоко-глубоко. Ибо качества руководителя оценивались главным образом с точки зрения способности достигать поставленной цели. О таком говорили: “рукастый”, то есть ему можно поручить дело. О голове, тем более о совести претендента частенько забывали»³⁹, — самокритично вспоминает Горбачев.

Некоторые западные исследователи придают большое значение мнению Горбачева социологией. Ссылаются на диссертацию его жены. К.Шмидт-Хауэр даже считает социологическую квалификацию семьи Горбачевых одним из факторов успеха⁴⁰. Однако «социологические штудии» Р.Горбачевой были далеки от западного представления о социологии и вполне соответствовали советским официальным представлениям об «об-

ществоведении». Горбачев действительно использовал социологические построения с середины 70-х гг., но не как научный инструмент, а как украшение речи.

Капля камень точит. От года к году рос незаметный для внешнего взгляда интерес Горбачева к «ревизионизму» — нетрадиционным социалистическим взглядам: «Как член ЦК КПСС, я имел доступ к книгам западных политиков, политологов, теоретиков, выпускавшимся московским издательством “Прогресс”. По сей день стоят на полке в моей библиотеке двухтомник Л.Арагона “Параллельная история СССР”, Р.Гароди “За французскую модель социализма”, Дж. Боффы “История Советского Союза”, вышедшие позже тома фундаментальной “Истории марксизма”, книги о Тольятти, известные тетради Грамши и т.д. Их чтение давало возможность познакомиться с другими взглядами и на историю, и на современные процессы, происходящие в странах по обе стороны от линии идеологического раскола»⁴¹. Горбачев читал и опубликованные в СССР произведения А.Солженицына⁴². Конечно, нельзя преувеличивать степень согласия Горбачева с «идеологическим противником». Но инакомыслие проникало и с другой стороны. Горбачев вспоминает, что «на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора»⁴³. Может быть, и не «исключительно» только их, но ведь слушал же. А это бесследно не проходит.

В начале 70-х гг. Горбачев впервые посетил Западную Европу — Италию. Он еще не знал, что его взору открылось будущее собственной страны. Горбачев вспоминает о своих впечатлениях: *«Спустились с другой стороны в курортное местечко и столкнулись там с целыми “стаями” хиппи. Их вид нас буквально ошарашил. Долго бродили по улицам. Много бедного народа. Особенно поразили торгующие всякой всячиной дети — ведь была уже глубокая ночь. ...Многое, о чем мы узнали, вызвало у меня неприятие. Например, сравнивая, я укрепился во мнении (и сейчас его придерживаюсь), что народное образование и медицинское обслуживание были организованы у нас на более справедливых принципах. И наша ставка на общественный транспорт казалась предпочтительней перед другими способами решения транспортной проблемы в городах. Но вот что касается функционирования гражданского общества, политической системы, то априорная вера в преимущества социалистической демократии перед буржуазной была поколеблена. И пожалуй, самое важное, вынесенное мной из поездок за рубеж, — вывод о том, что люди живут там в лучших условиях, более обеспечены. Почему мы живем хуже других развитых стран? Этот вопрос неотступно стоял передо мной»*⁴⁴.

Но, пожалуй, наиболее глубинным слоем политического сознания Горбачева была его психология сельскохозяйственного руководителя, привившаяся еще в семье. Сельскохозяйственному руководителю любого ранга — от председателя колхоза до первого секретаря крайкома — не нравилось, когда «верхи» вмешивались в дела его «вотчины». В своих выступлениях Горбачев, прикрываясь принципами экономической реформы 1965 г., выступает против «мелочной опеки» работы коллективов: «Постоянная, излишняя опека и подмена

сродни суховею, который губит посевы»⁴⁵, — иллюстрирует Горбачев свою мысль.

Однако защита «вольности» в речах Горбачева касается прежде всего руководителей предприятий, которых опекают из центра, а для простых работников предусматривается «укрепление... социалистической дисциплины труда, повышение организованности трудящихся»⁴⁶.

От старорусских помещиков сельскохозяйственная номенклатура отличалась прежде всего своим индустриализмом, стремлением превратить аграрное производство в фабричное. Это, казалось, решит все трудности на селе. Горбачев был активным проповедником такой утопии: «Опыт показывает, что рационально осуществляемая специализация содействует увеличению выхода продукции на единицу земельной площади, росту производительности труда, снижению себестоимости, повышению рентабельности и товарности производства»⁴⁷.

Усиление специализации на полях вело к монокультурности, разрушающей почву. Индустриализация уродовала землю, превращая ее в пустыню. Выход бюрократия искала на путях экстенсивного расширения посевов за счет орошения. Орошение становится экономическим кредо Горбачева — оно упоминается почти во всех его выступлениях, посвященных сельскому хозяйству. Впоследствии эта любовь к мелиорации выльется в грандиозный проект поворота северных рек. А пока Горбачев утверждал: *«Наиболее радикальным методом борьбы против засухи, бесспорно, является орошение. Оно позволяет поднять продуктивность сельскохозяйственного производства, ослабить влияние погоды»*⁴⁸.

Была еще одна «радикальная» мера, составлявшая мечту «помещиков», которая проявляется до 1978 г. лишь подспудно. Дело в том, что на земле территориальных «вотчин» находились многочисленные сельскохозяйственные предприятия, не подчиненные местному руководству. Между тем именно эти предприятия производили конечную продукцию — тот самый «дефицит», который давал дополнительную власть и влияние. Отсутствие прямого подчинения этих предприятий райкомам и сельскохозяйственным руководителям затрудняло получение находящегося «под рукой» «дефицита». Это обстоятельство усиливало противостояние между местным партийным руководством и промышленными ведомствами, о котором мы говорили выше. «Помещикам» казалось, что предприятия смежников (прежде всего мясомолочной промышленности), почти не затрачивая усилий, получают баснословные прибыли, «наживаются» на труде крестьян. Среди сельскохозяйственных руководителей зрело требование подчинения им предприятий смежных отраслей. Это требование станет лейтмотивом аграрной программы Горбачева, начиная с 1978 г. Ее выполнение означало усиление районной номенклатуры. Районные руководители, в свою очередь, «давили» на областное начальство, пропагандируя его в поддержку Горбачева. В итоге областные секретари, большинство которых традиционно было более тесно связано с сельской номенклатурой и противостояло министерствам, также симпатизировали курсу Горбачева и готовы были поддержать его.

Сам Горбачев был активен в установлении контактов с областными руководителями, что помогло ему впоследствии. Первый секретарь Воронежского обкома вспоминает о середине 70-х гг.: «Едва я приступил к работе в Воронеже, как одним из первых позвонил мне Горбачев. Поздравил с избранием, поинтересовался первыми впечатлениями... Меня привлекало в нем чувство товарищества, общительность, можно сказать, какая-то открытость дружбе. Его умение быстро установить контакт, найти тему для беседы, чувство юмора. Он эмоционально воспринимал как успехи, так и неудачи. Короче, это был энергичный, задорный, неунывающий, обаятельный человек, интересный собеседник. Привлекал его критический настрой по отношению к нашим проблемам, недостаткам... Разделял “под орех» чинуш, окопавшихся в Госплане, Госснабе, Минфине”. Но “критика” в его устах оставалась лояльной... При желании его мысль можно было трактовать по-разному, повернуть в любую сторону — он бы не возражал. Но в любой момент он мог сделать ход назад»⁴⁹.

* * *

Горбачев вошел в историю как блестящий коммуникатор, подкупающий своим обаянием, вызывающий на откровенность и в то же время не позволяющий «схватить себя за язык». Автору этих строк довелось общаться с Горбачевым через два десятилетия после описываемых событий. Все присутствовавшие, с кем я потом говорил, признали, что Горбачев их «обаял». Лицо Михаил Сергеевича (только так его называли говорившие) светилось персональной заинтересованностью в делах собеседника. Окончив разговор с ним, Горбачев повернулся, и мне случайно удалось перехватить его взгляд. Лицо еще сохраняло форму приветливости, но взгляд уже «переключился», точнее «отключился» — в нем уже не было поражавшего нас тепла, а остался лишь металлический блеск. Михаил Сергеевич обладал редким свойством — не только лицо, но и глаза его были маской, и кроме экстремальных ситуаций никакой собеседник не мог сказать, как на самом деле относится к нему Горбачев. Многие его соратники только на закате политической карьеры приходили к выводу, что они были ему не друзьями и соратниками, а инструментами. И сыпались обвинения в предательстве.

В таких случаях Горбачев тоже убежденно говорил о том, что его предали. Так бывает, когда люди не понимают друг друга, называя одними словами совершенно разные вещи. До поры они считают друг друга единомышленниками, а затем расходятся. Каждый в глазах другого предал «прежние идеи».

Такие люди исчезали из круга общения Горбачева, и он продолжал оставаться среди «единомышленников», людей, находившихся под влиянием его личности. Но большинство граждан страны по мере развития страны выпали из сферы действия личного обаяния Михаила Сергеевича. Обратная связь была утрачена. Страна становилась все менее управляемой, но люди вокруг Горбачева по-прежнему демонстрировали преданность.

Вероятно, ситуация в стране все больше удивляла Горбачева. Оппозиционеры, обличавшие его на митингах, при личных встречах расслаблялись под влиянием горбачевской «ауры». Они договаривались, не подозревая, что на самом

деле вкладывают в неопределенные слова разный смысл. Горбачев видел вокруг себя только тех, кто относился к нему с пониманием. Но в стране таковых оставалось все меньше...

* * *

В середине 70-х гг. на Горбачева обращали внимание и на самом верху пирамиды власти. Ставрополье было одним из излюбленных мест отдыха партийной элиты. По свидетельству первого секретаря Пятигорского, а затем ставропольского горкома В.Казначеева, Горбачев прилагал усилия к закреплению этих предпочтений: «Горбачев сразу уловил, какое преимущество ему сулит превращение Ставрополя во всесоюзную здравницу ЦК. Строительными силами 9-го управления КГБ за короткий срок на месте пионерского лагеря была возведена в Кисловодске шикарная госдача.

Михаил Сергеевич сам выбрал место в горах, возле реки, в окружении леса, под строительство роскошных палат, точнее, резиденции для семьи, куда можно приглашать гостей. Проект архитекторов прекрасно вписался в горный ландшафт»⁵⁰. Наиболее важными гостями были «земляки» Горбачева М.Суслов и Ю.Андропов.

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914—1984 гг.)

В 1930 г. работал служащим телеграфа. В 1936 г. окончил техникум водного транспорта. В 1936—1944 гг. — на комсомольской работе. В 1939 г. вступил в КПСС. В 1938—1940 г. возглавлял Ярославский обком ВЛКСМ, в 1940 г. встал во главе ЦК ЛКСМ новоиспеченной Карело-Финской республики. Участвовал в партизанском движении в Карелии в 1941—1944 гг. В 1944 г. назначен вторым секретарем Петрозаводского обкома КПСС, а затем вторым секретарем ЦК КП Карело-Финской ССР. В 1951—1953 гг. работал в центральном аппарате ЦК. Учился в Петрозаводском университете и ВПИ при ЦК КПСС. В 1953 г. возглавил 4-й европейский отдел МИД (курировал политику в отношении Польши и Чехословакии). В 1954—1956 гг. — посол СССР в Венгрии. Таким образом Андропову пришлось в непосредственной близости наблюдать развитие Венгерской революции 1956 г. и участвовать в ее подавлении. В 1957—1967 гг. Андропов был заведомом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами и их компартиями. В отделе Андропов собрал группу консультантов, среди которых были многие интеллектуалы, формировавшие в дальнейшем господствующие политические идеи: Ф.Бурлацкий, А.Арбатов, Г.Шахназаров, А.Бовин, О.Богомолов, Г.Герасимов, Н.Шишкин и др. С 1961 г. — член ЦК КПСС. В 1962—1967 гг. он был также секретарем ЦК КПСС. В 1967 г. Андропов возглавил КГБ и стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В 1973 вошел в Политбюро. В 1974 г. был удостоен звания Героя социалистического труда. В 1982—1984 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС⁵¹.

Горбачев познакомился с Андроповым в 1969 г., а с Сусловым — в 1970 г. В 1977 г. в беседе с Арбатовым Андропов очень высоко оценивал Горбачева⁵². «Несмотря на различия в характерах да и в возрасте, они потянулись

друг к другу. Теперь отпуск Горбачевы приурочивали к отпуску Андроповых и проводили его вместе на Кавказских Минеральных Водах — в Железноводске, Кисловодске...» — вспоминает В.Казначеев⁵³.

Общение Горбачева с «небожителями» не проходило даром: уже тогда он демонстрировал информированность, необычную для руководителя областного уровня⁵⁴. Супруги Горбачевы принимали все меры к укреплению полезных связей: «В память о пребывании на Кавказе, видимо, стало уже ритуальным дарить какие-то сувениры. — рассказывает В.Болдин. — Однажды Раиса Максимовна, вспоминая тот период, говорила:

— Многие ведь не стеснялись, и супруги руководителей сами говорили, какой сувенир они хотели бы получить... Для нас было это очень накладно, — продолжает Раиса Максимовна, — и приходилось всячески изворачиваться»⁵⁵. В.Казначеев утверждает, что «по указанию Горбачева семье Суслова вручили подводное ружье, модную по тем временам кожаную куртку для внука... “Партийная совесть”, видимо, в полудреме благосклонно приняла подношения»⁵⁶. В 1983—1985 гг. такие подарки могли лечь в основу серьезного уголовного обвинения.

Большое значение имело знакомство Горбачева с академиком Чазовым. Вспоминает В.Казначеев: «Молодой академик Чазов был фигурой значительной. Он всегда находился в курсе всех кремлевских событий и интриг, более того, лейб-медик обладал весьма ценной для Горбачева информацией: привычки, пристрастия, слабости, особые черты характера, семейные связи и многое другое, чего не было написано в официальных биографиях.

Когда Чазов приезжал в край, Горбачев тут же бросал все дела и исчезал на несколько дней. Их можно было видеть прогуливающимися по аллеям санаторного парка, оживленно беседующих...

Чазов принял условия игры в преданную дружбу: из Москвы приходили для Горбачева самые лучшие, дорогостоящие лекарства.

Именно Чазов убедил Михаила Сергеевича организовать все так, чтобы высшее руководство страны стремилось приезжать на отдых в Ставропольский край. В этом решении учитывались интересы не только Михаила Сергеевича, за спиной лейб-медика стояла фигура более могущественная, уже давно наметившая себе цель — кресло Брежнева»⁵⁷.

Умение Горбачева находить «подход» к руководителям помогло ему поставить под свое влияние и сотрудника ЦК, курировавшего край в орготделе — будущего главу Компартии РСФСР И.Полозкова. Этот контакт также очень помогал в работе: «Кураторы могли заstopорить решение ряда вопросов, в том числе и кадровых, могли сказать: есть мнение, что имярек не дорос до столь высокого поста, — вспоминает В.Казначеев. — И все! Ни один первый секретарь обкома или крайкома не станет доискиваться, кто зажег красный свет его выдвиженцу: то ли рядовой инструктор, то ли сам генеральный... Мнение Горбачева по любому вопросу сразу же становилось и мнением Полозкова, превратившегося в карманного инструктора столь грозного орготдела ЦК... Ставил его Горбачев на место в своей излюбленной манере:

— Только что мне звонил Юрий Владимирович, советовался по одному крайне важному делу, просил завтра снова выйти на связь. Михаил Андреевич по старой памяти земляков не забывает, только что с ним говорил, просил помочь финансами. Мы вес выбрали, вот Михаил Андреевич и обещал помочь.

Сыпал Михаил Сергеевич именами-отчествами — складывалось впечатление, что он со всеми на короткой ноге, и млеял от верноподданнического восторга куратор Полозков, мотал на ус, лстиво улыбаясь⁵⁸. С такими сильными позициями Горбачев мог претендовать на участие в политической борьбе. В.Казначеев обвиняет своего бывшего шефа в доносе на зятя Брежнева Ю.Чурбанова, который, выпив в гостях у Горбачева, хвастался, что Брежнев обещал сделать его наследником⁵⁹. Так это или нет, но уже в середине 70-х гг. Горбачев старался не только быть в курсе кремлевских интриг, но и подыгрывать Андропову.

К 1977 г. было восстановлено шаткое равновесие в правящей верхушке, нарушившееся в связи с тяжелой болезнью Брежнева. Брежневский клан номенклатуры, который поддерживался в это время «пуританами» Сусловым, Андроповым и Устиновым, противостоял «прагматикам» во главе с премьер-министром А.Косыгиным. Сфера компетенции отраслевых гражданских министерств шаг за шагом ограничивалась, с одной стороны, аппаратом ЦК с его дублирующими министерства отделами, с другой стороны — региональными структурами обкомов.

Самостоятельность Косыгина делала его неудобной фигурой в брежневской команде. «По всему было видно, что Л.И.Брежневу было трудно сработаться с А.Н.Косыгиным, который всегда подчеркивал свою независимость, самостоятельность, несогласие со стремлением Л.И.Брежнева к единовластию, — вспоминал В.Гришин. — Однако поставить вопрос об отстранении А.Н.Косыгина от руководящей роли в партии и в стране он не решался, понимая, что авторитет Председателя Совмина СССР в партии и народе высок, и сама постановка такого вопроса могла вызвать большие осложнения»⁶⁰. Конечно, авторитет премьера в народе большой роли не играл — когда Косыгин был все же снят по состоянию здоровья (именно такая формулировка могла прозвучать и тремя годами ранее), никаких осложнений не возникло. Косыгина вынуждены были терпеть как специалиста, мастера по поддержанию баланса в сложном механизме государственной экономики⁶¹. Когда физически больной Косыгин уже не мог справляться с этой работой, его отправили в отставку. Кстати, разбалансированность экономики после этого действительно стала нарастать. Но процесс этот начался по объективным причинам еще при Косыгине.

Популярность Косыгина среди части аппарата (прежде всего хозяйственного, но, как следует из мемуаров Гришина, — и партийного тоже)⁶² не могла не беспокоить как клан Брежнева, так и усиливающихся «пуритан», с недоверием относящихся к хозяйственной бюрократии. Особую роль в этой ситуации играл Кулаков: «Была и своего рода “группа быстрого реагирования”, пользовавшаяся особым доверием генсека, — вспоминал Горбачев. — В нее входили волгоградский секретарь Куличенко, саратовский — Шибаев,

тульский — Юнак, краснодарский — Медунов, кустанайский — Бородин, алтайский — Георгиев, оренбургский — Коваленко, сахалинский — Леонов. В большинстве своем все эти люди были тесно связаны с Кулаковым. Всякий раз, когда Брежнев нуждался в поддержке, или затевалась какая-то интрига, “группа быстрого реагирования” немедленно включалась в дело. Ей отдавалось явное преимущество в прениях на пленумах и съездах партии. И если из их уст раздавалась критика правительства или вносилось какое-либо предложение, все понимали, откуда они исходят и в чьих интересах это делается»⁶³. Судьба благоприятствовала Кулакову — 1976—1978 гг. были удачными для сельского хозяйства. Урожай 1976 г. был рекордным. Между тем, Брежнев постиг новый удар — умер его старый друг маршал Гречко — министр обороны. Равновесие в Политбюро с трудом поддерживалось сложными аппаратными комбинациями, Кулаков мог стать наиболее динамичной фигурой в брежневском лагере.

Кулаков не забывал и об активизации своих кадров. Выдвиженцы секретаря по сельскому хозяйству должны были доказать, что они достаточно компетентны в самых разных вопросах, что команда Кулакова может стать опорой политики умеренного обновления. С 1974 г. Горбачев начинает все активнее выступать на политические темы, высказывая относительно оригинальные суждения. Вслед за диссидентом Сахаровым он выступил в поддержку гласности: «Большинство партийных организаций понимает, что суть гласности не только в том, чтобы обнародовать обязательства, договоры, почины, достижения или недостатки, но и в том, чтобы на деле вооружить каждого участника соревнования необходимой информацией о достижениях передовой практики, позаботиться о широком общественном резонансе наших успехов и промахов»⁶⁴. Характерно, что эта фраза была написана в посвященной проблемам соревнования статье «Могучий ускоритель» (как не вспомнить будущую политику «ускорения»).

В статьях 1974—1977 гг. Горбачев совершенствует свои традиционные темы (орошение и опыт школьных учебно-производственных бригад), но затрагивает и новые сюжеты — работа с письмами трудящихся, опасность подмены заботы о людях либерализмом, особенности демократии при социализме: «Последовательное проведение линии на развитие социалистической демократии в нынешних условиях исходит из того, что демократизм при социализме не может быть чем-то расплывчатым и неопределенным, как это представляется обывателям и анархизирующим элементам. Социалистической демократии присущи порядок и организованность, а также централизованное государственное руководство в общенациональном масштабе, без чего система социалистической демократии не может нормально функционировать»⁶⁵.

Для того, чтобы получить поддержку кланов, склонявшихся к необходимости более динамичной политики, нужно было показать, в чем эта политика будет заключаться. Каким образом можно ускорить развитие страны, оставляя неизменной структуру общества? XXV съезд партии продемонстрировал, что ни у кого таких рецептов нет. Кулаков и здесь решил быть первым, взяв для смелого эксперимента подведомственное ему сельское

хозяйство. В качестве полигона было избрано Ставрополье, руководитель которого — Горбачев — разделял идеи своего покровителя. Осенью 1977 г. на всю страну прогремел «ипатовский метод», позволивший собрать почти в два раза больше хлеба, чем предусматривалось планом. М.Татю считает, что ипатовский эксперимент был инициативой Кулакова, а не Горбачева, поскольку новый метод предполагал большую централизацию, а будущий Генеральный секретарь был сторонником децентрализации⁶⁶. Однако делая такой вывод, французский исследователь опирается скорее на общее впечатление о деятельности Горбачева, чем на конкретные доказательства, относящиеся к 70-м гг.

*«Суть, сердцевина ипатовского метода, — писал Горбачев, — заключается в организации работы уборочно-транспортных отрядов не просто в отдельных хозяйствах, а в масштабах целого района»*⁶⁷. Задача заключалась в том, чтобы организовать уборку урожая с помощью специальных бригад как часовой механизм. Ни один комбайн не должен был простаивать, все должно было быть рационализировано настолько, чтобы техники хватило для работы в две смены. Люди, понятно, тоже должны были участвовать в этом сельскохозяйственном конвейере. Попытка превратить сельское хозяйство в рациональную фабрику подкреплялась традиционными методами организации рекордов — Ипатовский район получил «зеленую улицу» при снабжении его горючим, запчастями и самой техникой.

Результат поразил кремлевскую олигархию — целый район удвоил сбор урожая путем рационализации и наведения порядка — метода, не затрагивающего общественное устройство. Ставрополье в целом тоже перевыполнило план — край «прикрывался» самим Кулаковым. В результате Кулаков и Горбачев оказались триумфаторами. «Кулаков, который организовал этот беспрецедентный успех, мог гордиться и быть счастливым»⁶⁸, — пишет Ж.Медведев. Горбачев испытывал те же чувства.

В феврале 1978 г. торжественно отмечается 60-летие Ф.Кулакова, он награждается звездой Героя социалистического труда. В марте Суслов посещает Ставрополье и тесно общается с Горбачевым. 3—4 июля проходит пленум по сельскому хозяйству. Однако Кулаков был отстранен от подготовки материалов пленума — главой комиссии был назначен его противник Косыгин⁶⁹. Несмотря на то, что позиции Косыгина в это время тоже ослабевают, положение Кулакова оказалось еще хуже: постановление пленума раскритиковало результаты сельскохозяйственной политики, отметив недостаточную урожайность, высокие потери при переработке и транспортировке продукции, недостатки в освоении капитальных средств и др. Критическая часть постановления составила треть его текста, значительно превысив комплиментарную⁷⁰.

17 июля Ф.Кулаков скончался после внезапно обострившейся болезни. Брежнев, Косыгин и Суслов не прервали отпуск для участия в похоронах, что указывало на разлад между ними и Кулаковым, предшествующий смерти. В ведомствах, которые курировал Кулаков, ходил слух, что его позиция критиковалась коллегами по Политбюро. Отстранение от подготовки «профильного» пленума не могло не удручить секретаря по сельскому хозяйст-

ву, так как означало опалу. Критический настрой пленума лишь усилил это впечатление. Слишком амбициозному Кулакову отказали в доверии как раз те, кто должен был поддержать его в борьбе за власть. Это могло стать сильным психологическим шоком и спровоцировать обострение его болезни. Горбачев считает, что «здоровье Федора Давыдовича уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок (в 1968 году ему удалили часть желудка)»⁷¹. В любом случае смерть Кулакова совпала с желанием влиятельных членов Политбюро от него избавиться. Возможно, противники брежневской группировки испугались перспективы воцарения Кулакова. Приход его к власти также закрывал дорогу другим претендентам на лидерство в лагере обновленцев, прежде всего Андропову, который будет серьезно претендовать на первое место в партии позднее.

Смерть Кулакова и совпавшее с ним по времени значительное ослабление Косыгина (6 июля было принято постановление о коллегиальности в работе Совета министров, значительно ограничившее полномочия председателя) нарушили равновесие в элите. Клан Кулакова распался. Место секретаря по сельскому хозяйству, оставшееся после Кулакова, было вакантным до ноября.

Лишившись Кулакова, руководители партии вовсе не желали отказываться от надежд, связанных с сельскохозяйственными успехами 1975—1977 гг. Ипатовский метод был связан с именем Горбачева, а смерть Кулакова сделала хозяина Ставрополя безопасным с точки зрения борьбы за власть.

В мае 1978 г., когда решался вопрос о заполнении вакансии секретаря ЦК по сельскому хозяйству, Горбачев направил в ЦК записку, в которой изложил свою аграрную программу. Этот документ, подготовка которого была инициирована еще Кулаковым⁷², целиком продиктован интересами номенклатурных «помещиков». Горбачев рисует душераздирающую картину эксплуатации («неэквивалентного обмена»⁷³) сельского хозяйства промышленностью: *«Вместе с тем в последующие годы, при сравнительно медленном росте закупочных цен на продукты сельского хозяйства, резко возросли цены на сельскохозяйственную технику, запасные части, горючее, строительные материалы, комбинированные корма, а также на производственные услуги»*⁷⁴.

Согласно нарисованной Горбачевым картине, сельское хозяйство получало от смежных отраслей все меньше продукции и все худшего качества, цены на промышленную продукцию для сельского хозяйства росли быстрее, чем урожайность и закупочные цены. Исходя из лукавой советской статистики, которая при всех убытках в итоге давала «прибыль», Горбачев утверждает: *«Если брать в целом сельскохозяйственную отрасль и отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье и оказывающие производственные услуги сельскому хозяйству, а также обеспечивающие его средства производства, то весь агропромышленный комплекс оказывается рентабельным»*⁷⁵. Эта фиктивная рентабельность дала Горбачеву основание поставить вопрос об очередном повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию за счет смежных промышленных отраслей: *«надо*

рассмотреть вопрос о возможности перераспределения прибылей в рамках самого агропромышленного комплекса»⁷⁶.

Эта идея выражала сокровенную мечту «помещиков» об «экспроприации экспроприаторов», об установлении своего контроля над сельскохозяйственной промышленностью и заполнении финансовых прорех за счет смежников. Если этот план не будет выполнен, Горбачев грозит сельскохозяйственным кризисом, который уже назрел: *«Конечный результат этих процессов такой: среднегодовое валовое производство продукции в девятой пятилетке возросло почти на 12%, а материальные затраты повысились на 50%. Значительно увеличилось количество убыточных хозяйств... Все эти процессы ослабили механизм стимулирования производства... и подрывают такой важный инструмент социалистического хозяйствования, как хозрасчет, поскольку снижают заинтересованность трудовых коллективов в наращивании объемов производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов»⁷⁷.*

Кроме этого коренного пункта в аграрной программе Горбачева содержались и другие — необходимость выделения дополнительных средств для жилищного строительства и социального развития на селе, усиленное внедрение минеральных удобрений и мелиорации, продолжение индустриализации сельского хозяйства и ужесточение планирования, внедрение «ипатовского метода». Эти меры составляли «пакет», который должен был удовлетворить как «помещиков», тесно связанных с большинством руководителей обкомов, так и «пуритан» в ЦК, ориентированных на ужесточение дисциплины в стране.

Перипетии борьбы за власть в Политбюро также способствовали карьерным успехам Горбачева. Премьер Косыгин стал выдвигать вперед руководителя Ленинграда Г.Романова.

РОМАНОВ Григорий Васильевич

Родился в 1923 г. Воевал с 1941 г. В армии в 1944 г. вступил в КПСС. В 1946—1954 гг. — конструктор, начальник сектора конструкторского бюро. В 1953 г. закончил Ленинградский кораблестроительный институт. С 1954 г. — на партийной работе. В 1961—1963 гг. — секретарь, в 1963—1970 гг. — второй секретарь, в 1970—1985 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (в 1963—1964 гг. — промышленного обкома). Член ЦК КПСС в 1966—1989 гг., кандидат в члены Политбюро в 1973—1976 гг., член Политбюро в 1976—1985 гг.⁷⁸

Романов был самым молодым членом Политбюро, хотя и не принимал участия в его регулярной работе из-за своей географической удаленности. Он принадлежал к «военному поколению», что способствовало развитию «командных привычек» и аскетических склонностей. Романов славился организационными способностями, которые, однако, не спасали ленинградцев от периодических перебоев с продуктами первой необходимости. Романов заботился не столько о социальных нуждах, сколько о военно-

промышленном комплексе, который был гордостью Ленинграда. Грубость и жестокость Романова воспринималась его коллегами как требовательность к другим и к себе. Последнее было его особенно сильной стороной на фоне «развращенности» коммунистической элиты. Романов отличался также личной скромностью, он «жил в скромной квартире, где наша общая приятельница, обитая этажом выше, регулярно заливала его водой из-за неисправности водопровода»⁷⁹, — пишут В.Соловьев и Е.Клепикова.

В 1976—1978 гг. политическая активность Романова внезапно возросла. Он стал регулярно бывать в Москве, вместе с Косыгиным выполнять несвойственные им дипломатические миссии. Андропов, которого не могло радовать выдвижение относительно молодого конкурента, еще не имел в Политбюро достаточного «веса», чтобы противостоять этим попыткам открыто. Но в распоряжении Андропова оставались «специфические» методы работы КГБ.

Был распространен слух, просочившийся даже в западную прессу, о том, что на свадьбе дочери ленинградского руководителя в пьяном загуле был разбит бесценный сервиз Екатерины II из коллекции Эрмитажа. Сплетни о разгроме сервиза даже попали в качестве доказанного факта в серьезные западные сочинения⁸⁰. Несмотря на то, что беспочвенность этих слухов была известна кремлевским олигархам, сама тема напомнила, что возвышение Романова может быть воспринято как реставрация романовской династии. Такие намеки могли подорвать основы официальной доктрины и лишний раз напомнить о монархическом характере власти в СССР. С выдвижением Романова решили подождать.

Эти события имели большое значение для Горбачева. В противовес Романову решили ввести в Политбюро другого молодого руководителя, который еще долго не сможет претендовать на верховную власть. Возраст Горбачева смог бы выбить из рук сторонников Романова главный аргумент в пользу перемещения ленинградского руководителя в Москву — необходимость омоложения руководства.

Горбачев и сам намекал руководителям страны на необходимость «омоложения кадров»:

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста, — говорил Горбачев Андропову, когда тот отдыхал в Ставропольском крае в середине 70-х гг. — У хорошего леса всегда должен быть подлесок, — рассказывает В.Болдин.

— Потом, — вспоминал Горбачев, — когда избрали меня в Политбюро ЦК, Андропов, поздравляя, сказал:

— Ну что, «подлесок», давай, действуй»⁸¹.

В результате Суслов и Андропов добились назначения Горбачева на место Кулакова. Возможно, здесь сыграл роль также «комплекс вины» перед несчастным Кулаковым — его коллеги не ожидали такого исхода конфликта с ним и «заглаживали вину» назначением на высокий пост его выдвиженца. По словам Ж.Медведева, «Грандиозное намерение Кулакова достичь вершины власти не удалось, но в конце концов он был замещен своим молодым другом и протееже»⁸².

Назначению Горбачева предшествовала встреча с Брежневым во время его проезда через Минеральные воды 19 сентября. Здесь, на платформе прогуливались 4 Генеральных секретаря, один нынешний — Брежнев, и три будущих — Андропов, Черненко и Горбачев. Последний из них вспоминает, что «разговор не клеился... По всему было видно, что генсек не очень расположен вести беседу... Андропов пояснил: Леонид Ильич все больше чувствовал затруднения с речью. Возможно, этим во многом и объяснялась его неразговорчивость, хотя по натуре он был человеком общительным»⁸³. Всемирно-известные особенности речи Брежнева, которые по существу делали его профнепригодным, были вызваны последствиями ранения в годы войны и злоупотреблением снотворным. Тяжелые последствия имел склероз мозговых сосудов⁸⁴.

В 1978 г. Горбачев еще казался членам Политбюро фигурой относительно нейтральной, его связи с Андроповым «уравновешивались» связями с Сусловым, который по-видимому некоторое время склонялся к поддержке Романова. В отличие от ленинградца, Горбачев был обходителен, уступчив и не претендовал на роль лидера «пуриган». Буквально накануне решения о переводе ставропольца в Москву все могло перемениться. В качестве резервной кандидатуры рассматривался первый секретарь полтавского обкома партии и другие кандидатуры⁸⁵. Когда решение о назначении уже было принято и Горбачева нужно было представлять Брежневу, ставропольца не могли нигде найти (он сидел у знакомых). Помощник Черненко В.Прибытков вспоминает, что его шеф был уже готов прибегнуть к альтернативным вариантам: «Все проверил? У тебя больше нет каналов?... Так! Если за 30 минут не найдешь, то... то у нас есть и другие кандидатуры на секретарство! Вот!»⁸⁶

ЧЕРНЕНКО Константин Устинович (1911—1985)

С 1929 г. на комсомольской и государственной работе. Участвовал в проведении коллективизации, служил на границе. В 1931 г. вступил в КПСС. В 1941 г., пройдя многочисленные ступени партийной лестницы, стал секретарем Красноярского обкома КПСС. В 1945 г. окончил высшую школу парторганизаторов при ЦК КПСС и стал секретарем Пензенского обкома. В 1948—1956 гг. вошел в аппарат ЦК КПСС Молдавии, где близко познакомился с Л.Брежневым и стал одним из его ближайших помощников. В 1956 г. переходит в аппарат ЦК, в 1960 г. — в аппарат Президиума Верховного совета. В 1965 г., после победы Брежнева в борьбе за власть, возглавляет Общий отдел ЦК — главную канцелярию Брежнева. В 1966 г. стал кандидатом в ЦК КПСС, в 1971 г. — членом ЦК, в 1977 г. — кандидатом в члены Политбюро, в 1978 г. — членом Политбюро. В 1984—1985 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС⁸⁷.

Прибытков все же разыскал Горбачева, несколько изменив, таким образом, судьбу страны. Нашел. Сейчас будет. Из-за стола поднял... — Он что...? Того этого? Вести-то его к Брежневу можно?» — передает Прибытков свой диалог с Черненко⁸⁸. Горбачеву помогло то, что он был малопопулярным. В предварительной беседе с Черненко Горбачев поспешил сообщить о

том, что в последнее время у него с Кулаковым были разногласия⁸⁹. Ставропольцу не могло не быть известно о том, что отношения его благодетеля с руководством в последнее время складывались не лучшим образом. Черненко сообщил: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит»⁹⁰. После этого состоялось утверждение Горбачева Брежневым. Восхождение будущего реформатора на кремлевский Олимп состоялось. Отныне он был уже не просто чиновник, «человек иерархический», а член «политического руководства», почти политик, почти «человек идейный», почти реформатор. Пока почти.